

Михаил Степанов

ORCID: 0000-0002-6710-482X

stepanowm@yandex.ru

Хакасский государственный университет

им. Н.Ф. Катанова

Институт истории и права

Россия

**Историографический дискурс
политических репрессий в СССР
позднего сталинизма (1946-1953 гг.)**

Historiographical discourse of political repressions
in the USSR of late stalinism (1946-1953)

Dyskurs historiograficzny o represjach politycznych
w ZSRR późnego stalinizmu (1946-1953)

DOI: 10.34739/doc.2020.17.12

Аннотация: В статье в историографическом контексте проанализирована проблема сталинских политических репрессий в СССР (1946-1953 гг.). В качестве базовых проблем выступили следующие: 1) уголовное преследование советских граждан, обвиненных в совершении «контрреволюционных преступлений»; 2) формирование в рамках советской политики борьбы с проявлениями космополитизма нового направления – так называемых «квазирепрессий»; 3) особенности реализации послевоенных этнических депортаций; 4) развитие системы ГУЛАГ-а в годы позднего сталинизма. Делается вывод, что, несмотря на определенный прогресс в исследовании данной проблематики, в центральных (обобщающих) публикациях присутствуют определенные сложности на региональном уровне, т.к. послевоенная репрессивная политика в СССР изучена здесь лишь фрагментарно.

Ключевые слова: историография, политические репрессии, этнические депортации, квазирепрессии, антисемитизм, СССР, ГУЛАГ, сталинизм

Abstract: The article analyzes the problem of stalinist political repressions in the USSR (1946-1953) in a historiographical context. The basic problems are the following: 1) criminal prosecution of soviet citizens accused of committing "counter-revolutionary crimes"; 2) the formation of a new direction in the framework of the soviet policy of combating manifestations of cosmopolitanism – the so-called "quasi-repressions"; 3) features of the implementation of post-war ethnic deportations; 4) the development of the GULAG system in the years of late stalinism. It is concluded that, despite some progress in the study of this issue in the central (generalizing) publications, there are certain difficulties at the regional level, since the post-war repressive policy in the USSR is studied only fragmentally.

Keywords: historiography, political repressions, ethnic deportations, quasi-repressions, antisemitism, USSR, GULAG, stalinism

Abstrakt: W historiograficznym kontekście badania poddano problem stalinowskich represji politycznych na terenie Związku Radzieckiego w latach 1946-1953. Podstawowymi kierunkami przeprowadzonych analiz były następujące obszary: 1) prześladowanie obywateli radzieckich poprzez postępowania karne z oskarżenia o popełnienie „przestępstw kontrewolucyjnych”; 2) ukształtowanie w ramach radzieckiej polityki walki z przejawami kosmopolityzmu nowego kierunku działań – tzw. „quasi-represji”; 3) specyfika realizacji powojennych przesiedleń poszczególnych nacji; 4) rozwój systemu GULAG w latach późnego stalinizmu. W wyniku przeprowadzonego postępowania badawczego stwierdzono, że pomimo pewnego postępu w eksploracji tej problematyki, w głównych publikacjach (uogólniających) występują określone trudności na poziomie regionalnym, gdyż powojenna polityka represji w ZSRR została zbadana tylko fragmentarycznie.

Słowa kluczowe: historiografia, represje polityczne, deportacje narodowościowe, quasi-represje, antysemityzm, ZSRR, GULAG, stalinizm

Новый качественный этап в практической реализации репрессивной политики периода сталинской диктатуры связывается с послевоенной историей Советского Союза (1946-1953 гг.). Именно с послевоенным восстановлением экономики значительная часть советского общества связывала серьезные надежды с либерализацией карательной политики государства, однако, на практике она была продолжена, но с учетом большого предыдущего репрессивного опыта. Проблематика, связанная с публичными судебными процессами в СССР получила отражение в публикациях, которые стали появляться буквально по «горячим следам» рассматриваемых событий.

В начале 1950-х гг. в официальных публикациях прослеживается тенденция к нагнетанию психологической атмосферы подозрительности и страха, реанимации довоенной сталинской теории «заговоров». Довольно хорошо иллюстрирует отмеченную ситуацию публикация В. Минаева, в которой он подчеркивал следующее: «В наше время нет таких „мелочей“, которые не интересовали бы империалистические разведки. Необходимо твердо усвоить, что всякие разговоры о секретных делах хотя бы с самыми близкими родственниками, домашними и друзьями являются государственным преступлением. Нельзя говорить о служебных тайнах даже в присутствии детей (...). С целью разведать наши государственные секреты империалистические разведки стремятся завербовать прежде всего людей, морально неустойчивых, распущенных, склонных к злоупотреблению спиртными напитками (...). Социалистическое правосудие со всей суровостью карает агентуру иностранных разведок. Советские люди решительно выступают за самое суровое наказание презренных наймитов империалистической реакции, уличенных в подрывной деятельности против нашей родины. С просьбой о применении смертной казни к этой категории преступников обратились в Президиум Верховного Совета СССР многие представители национальных республик, профсоюзов, крестьянских организаций, деятелей культуры. Рассмотрев эти заявления, Президиум Верховного Совета СССР 12 января 1950 г. издал Указ. В нем предусматривается, в виде изъятия из Указа от 26 мая 1947 г. об отмене смертной казни, допущения применения к изменникам родины, шпионам, подрывникам-диверсантам смертной казни как высшей меры наказания»¹.

Немного позже, в работе юриста М.В. Кожевникова была дана следующая характеристика уже знаменитого «ленинградского дела»: «Малейшее ослабление социалистической законности враги Советского государства всегда пытались использовать для своей подрывной работы. Так действовала

¹ В. Минаев, *Тайное оружие обреченных: О подрывной деятельности империалистических разведок против лагеря демократии и социализма*, Москва 1952, с. 438.

разоблаченная партией банда Берия, которая пыталась вывести органы государственной безопасности из-под контроля партии и Советской власти, поставить их над партией и правительством, создать в этих органах обстановку беззакония и произвола. Во враждебных целях эта шайка фабриковала лживые обвинительные материалы на честных руководящих работников и рядовых советских граждан. ЦК партии проверил так называемое «ленинградское дело» и установил, что оно было сфабриковано Берия и его сподручными для того, чтобы ослабить ленинградскую партийную организацию, опорочить ее кадры. Установив несостоятельность «ленинградского дела», Центральный Комитет партии проверил и ряд других дел. ЦК принял меры к тому, чтобы восстановить справедливость. По предложению Центрального Комитета невинно осужденные люди были реабилитированы»².

Исследовательский интерес к теме послевоенных публичных судебных процессов особенно возрос в период «перестройки». Именно с этого времени в отечественной историографии стала разрабатываться версия, озвученная государством сразу после смерти И.В. Сталина о том, что данные процессы были сфальсифицированы. С точки зрения А.Г. Авторханова «ленинградское дело» или «дело врачей» стали следствием попытки перегруппировки сил в рядах партийной олигархии и генералитета Советской Армии – реакция власти была традиционной – репрессии³. Одним словом Авторханов считает, что новую волну репрессивных мер спровоцировала ленинградская партийная группа, которая попыталась претендовать на власть в стране.

Однако в работе В.В. Кожина версия о действительно имеющем место заговоре ленинградской «оппозиции» не подтверждается: «Послевоенные дела инициировал непосредственно сам Сталин, и в них ясно выразились те предсмертные „сдвиги” в его сознании и поведении (...). Правда,

² М.В. Кожевников, *История советского суда 1917-1956*, Москва 1957, с. 349.

³ А.Г. Авторханов, *Технология власти*, Москва 1991, с. 372.

это были все же, так сказать, „дворцовые”, „придворные” дела, не затрагивающие сколько-нибудь широкие массы людей»⁴.

Определенный интерес в контексте рассматриваемой проблемы представляют выводы статьи Л.П. Муромцевой, посвященной партийно-политической фигуре М.И. Родионова – члена Оргбюро ЦК ВКП(б) и председателя Совета Министров РСФСР. По мнению исследовательницы, «(...) устранение из общественно-политической жизни, а потом и гибель нового пополнения партийных и государственных руководителей в верхних эшелонах власти, следует отнести на счета „побед” командно-административной системы. Аппарат и система отторгли лиц, проходивших по „ленинградскому делу”, ибо почувствовали в них своих потенциальных врагов – людей, способных думать и действовать самостоятельно, отличавшихся известным радикализмом взглядов»⁵.

В современной российской историографии можно выделить проблему квазирепрессивных (ориентированных непосредственно не на уголовное преследование) акций, которые впоследствии детерминировали ряд громких уголовных дел послевоенного времени. Данная проблема довольно подробно освещена в совместном исследовании В.Д. Есакова и Е.С. Левиной, посвященном аспекту проявления квазирепрессий послевоенного периода в виде судов чести. Авторами на основе широкого круга архивных материалов («совершенно секретные» документы ЦК ВКП(б), личные фонды И.В. Сталина и А.А. Жданова) воссозданы условия, в которых зародились «суды чести», детально раскрыта подготовка первого суда по делу Н.Г. Ключевой и Г.И. Роскина, работавших над созданием препарата для лечения рака, показано, как появилось «Закрытое письмо ЦК ВКП(б)». Непродолжительный период действия «судов чести» позволил утвердить абсолютный диктат государства во всех сферах жизни советского общества, развернуть «борьбу с космополитизмом».

⁴ В.В. Кожинов, *Россия. Век XX-й (1939-1964). (Опыт беспристрастного исследования)*, Москва 1999, с. 230.

⁵ Л.П. Муромцева, *Приговорен к расстрелу по «Ленинградскому делу»*, [в:] *Тоталитаризм в России СССР, 1917-1991 гг.: оппозиция и репрессии*, отв. ред. Л.А. Обухов, Пермь 1998, с. 70.

По мнению В.Д. Есакова и Е.С. Левиной, непродолжительный период существования и деятельности «судов чести» оказал огромное влияние на изменение общественного сознания и морально-психологического климата в советской стране: «Эти суды, официально созданные прежде всего для воздействия на работников центрального государственного аппарата, своей задачи в полной мере не выполнили. Советская бюрократия отстояла свои позиции. Большинство из 82 созданных в министерствах и ведомствах „судов чести“ так и не развернуло своей деятельности. Основными жертвами прошедшей политико-идеологической кампании стали, в первую очередь, представители интеллигенции. Все силы тоталитарного государства были направлены на борьбу с любыми проявлениями отхода от проводимого политического курса. Эффект же от судилища над оклеветанными профессионалами Н.Г. Клюевой и Г.И. Роскиным и от повсеместного обсуждения «Закрытого письма ЦК ВКП(б)» был достигнут. С помощью этих акций были утверждены абсолютный диктат государства во всех сферах жизни советского общества, а также строгая секретность в области государственной деятельности, во всех отраслях промышленности и сельского хозяйства, в армии и на транспорте, в продовольственном снабжении населения, в организации планирования и статистики, науки и научно-технического творчества и т. д. Таким образом, с помощью массовой политико-идеологической кампании была достигнута такая система власти, которая позволяла контролировать все общество»⁶.

Современный российский историк Г.В. Костырченко в своей монографии отстаивает точку зрения, что именно «суд чести» проведенный по делу «К/Р» (Клюевой-Роскина – М.С.) стало прологом предстоящего крупномасштабного, но уже уголовного «дела Еврейского антифашистского комитета» и «дела врачей»⁷. Кроме того, Г.В. Костырченко были рассмотрены три

⁶ В.Д. Есаков, Е.С. Левина, *Сталинские «суды чести»: «Дело «КР»*, Москва 2005, с. 384.

⁷ Г.В. Костырченко, *Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм*, Москва 2001, с. 293.

репрессивные акции, носящие без сомнения антисемитский характер: «дело ЗИС» (1950 г., г. Москва), «дело Кузнецкого металлургического комбината» (1952 г., г. Сталинск Кемеровской области) и «Экономическое дело метростроя» (1952 г., г. Москва)⁸.

Рассматривая «дело врачей», Г.В. Костырченко подчеркнул: «Одним из первых чистке подвергся Второй московский медицинский институт имени Сталина. В частности, профессора Я.Г. Этингера осенью 1949 г. отстранили от руководства кафедрой и уволили под надуманным предлогом. 18 ноября 1950 г. Этингер был арестован, обвиненный в «клеветнических измышлениях» в адрес партийных руководителей А.С. Щербакова и Г.М. Маленкова, которых он считал главными вдохновителями и проводниками политики государственного антисемитизма в стране. В итоге общее число арестованных по «делу врачей» составило 37 человек. Из них 28 являлись собственно врачами, а остальные членами их семей. И хотя среди «кремлевских врачей» большинство составляли русские, то по ходу следствия это дело приобретало все более отчетливый антисемитский характер»⁹.

Касательно «дела врачей», в постсоветских публикациях по данной проблематике имеется точка зрения, согласно которой кремлевские врачи действительно занимались антигосударственной, вредительской деятельностью. Так, по мнению параисторического публициста О.А. Платонова, «статистика репрессивной системы в СССР в послевоенный период отражает логику сталинских реформ. По-прежнему, опираясь на меры жестокого принуждения, политика Сталина делает основной упор на подавление сил, подрывающих стабильность государства и устойчивость его главного носителя русского народа»¹⁰. Кроме того, автор рассматриваемой работы не сомневается в виновности арестованных лиц по так называемому «делу врачей»: «Впрочем „дело врачей“ не было расследовано до конца. Предварительные итоги

⁸ Ibidem.

⁹ Г. Костырченко, *«Дело врачей»*, „Родина“ 1994, № 7, с. 66.

¹⁰ О.А. Платонов, *Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина*, Москва 1997, с. 229.

свидетельствовали о том, что лечение многих лиц велось действительно неправильно»¹¹.

Исследование проблемы уголовного преследования на региональном материале получило отражение в ряде публикаций. К примеру, тенденции новой волны давления со стороны государства в послевоенное время были затронуты в монографии Б.В. Базарова¹². В диссертационном исследовании С.О. Садовский, анализируя деятельность в послевоенные годы территориальных управлений МГБ СССР по Костромской и Ярославской областям отметил, что в 1947 г. в соответствии с указаниями МГБ СССР и Генеральной прокуратуры активизировалась работа по «троцкистам, зиновьевцам, правым, меньшевикам, эсерам и анархистам». Начались повторные аресты таких лиц, успевших освободиться из мест лишения свободы после окончания войны¹³.

В целом, Садовский резюмировал: «Деятельность органов государственной безопасности в рассматриваемый период была достаточно противоречивой с точки зрения соблюдения прав и законных интересов граждан, т.к. наряду с лицами, действительно представлявшими угрозу безопасности страны, органы МГБ СССР преследовали и лиц, способных объективно оценивать явления в политической, экономической и других сферах жизни страны»¹⁴.

Из вышесказанного следует, что проблематика, связанная с уголовным преследованием советских граждан рубежа 1940-х – 1950-х гг., обвиненных в совершении «контрреволюционных преступлений» является слаборазработанной в новейшей российской историографии (особенно на региональном уровне). В современной исторической литературе тема послевоенных этнических депортаций получила определенное отражение. Одной из масштабных депортационных операций послевоенного

¹¹ Ibidem.

¹² Б.В. Базаров, *Ждановский дискурс в национальных регионах России послевоенных лет*, Улан-Удэ 2006, с. 115.

¹³ С.О. Садовский, *Деятельность территориальных управлений МГБ СССР в условиях общественно-политической жизни в 1945-1953 гг. (по материалам Костромской и Ярославской областей)*, Кострома 2004, с. 21.

¹⁴ Ibidem.

времени стала так называемая «прибалтийская», когда с территории Прибалтики был депортирован новый репрессивный контингент.

Как справедливо заметил Н.Ф. Бугай, И.В. Сталин и сложившаяся административно-командная система рассматривали депортацию как одно из главнейших средств разгрузки этнической напряженности, урегулирования проявлений отдельных сторон межнационального конфликта, не стремясь анализировать причины этого явления и искать альтернативный путь его исключения из практики социализма¹⁵.

Анализ нормативно-правовой базы, на основе которой проводились депортации с территории Прибалтики проведен В.Н. Земсковым: «Телеграфное распоряжение НКВД СССР от 16 июня 1945 г., директива МВД СССР от 10 декабря 1946 г. и приказ МВД СССР от 18 декабря 1946 г. о выселении из Литовской ССР членов семей главарей и активных участников банд; постановление Совета Министров СССР от 21 февраля 1948 г. о выселении из Литовской ССР членов семей бандитов и националистов, находящихся на нелегальном положении, убитых при вооруженных столкновениях и осужденных, а также пособников бандитов – кулаков с семьями; постановление Совета Министров СССР от 29 января 1949 г. о выселении из Литовской, Латвийской и Эстонской ССР кулаков с семьями, семей бандитов и националистов. В момент прибытия на спецпоселение было учтено 142 543 человека, выселенных по этим распоряжениям и постановлениям из Прибалтики в 1945-1949 гг.»¹⁶.

В частности, предприняты попытки определения числа депортированных граждан. По данным В. Бруля «всего из Прибалтики в 1945-1949 гг. было выселено 139957 человек. 125 282 из них были расселены в Сибири. Среди них было 71 756 литовцев, 34 219 латышей и 19307 эстонцев. (...) 5 сентября 1951 г. правительство приняло решение о выселении из Литвы навечно кулаков с семьями за враждебные действия против

¹⁵ Н.Ф. Бугай, *Депортация народов (конец 30-х – начало 40-х годов)*, [в:] *Россия в XX веке: Историки мира спорят*, отв. ред. И.Д. Ковальченко, Москва 1994, с. 476.

¹⁶ В.Н. Земсков, *Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960*, Москва 2005, с. 155.

колхозов. Выселение этих 18027 крестьян было произведено в 1951 и 1952 гг.»¹⁷.

В.Н. Земсков заметил, что наиболее крупная депортация из Прибалтики была осуществлена в 1949 г.: «Тогда было выселено с отправкой на спецпоселение 94305 человек (26 512 мужчин, 41771 женщина и 26 092 ребенка), из них 41 862 – из Латвии, 31 908 – из Литвы и 20 535 – из Эстонии. Итак, за период 1945-1949 гг. из Прибалтики было выселено более 143,6 тыс. человек, из них свыше 81,2 тыс. – из Литвы, почти 41,9 тыс. – из Латвии и немногим более 20,5 тыс. – из Эстонии¹⁸. Если мы обратимся к архивным материалам, то по данным Государственного архива Российской Федерации с территории Прибалтики по состоянию на 18 мая 1949 г. было принудительно выселено 94 779 человек¹⁹.

Следует заметить, что выводы Е.Ю. Зубковой – специалиста по послевоенному развитию Прибалтики в большей степени основываются именно на материалах различной видовой принадлежности Государственного архива Российской Федерации. В частности, исследовательница отметила, что позиция литовской, латвийской и эстонской республиканской и центральной властей в данном вопросе никогда не ограничивалась принципом «террором – на террор», и репрессивные акции против отрядов вооруженной оппозиции сопровождались политическими и экономическими мерами, призванными создать перелом в настроениях населения²⁰. В противостоянии крестьянства Балтийских республик и государственной машины преимущество оказалось на стороне сильного. Массовые репрессии заставили крестьян смириться с колхозами, о чем свидетельствовало быстрое увеличение числа коллективных хозяйств. Даже в Литве, согласно официальным

¹⁷ В. Бруль, *Депортированные народы в Сибири (1935-1965 гг.). Сравнительный анализ* [в:] *Наказанный народ*, под ред. А.Б. Рогинского, Москва 1999, с. 101.

¹⁸ *Ibidem*.

¹⁹ *Отчеты отдела спецпоселений. 1946-1952*, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 9479. Оп. 1. Д. 427. Л. 229.

²⁰ Е.Ю. Зубкова, *Москва и Балтия: механизмы советизации Латвии, Литвы и Эстонии в 1944-1953 годах*, [в:] *Труды Института российской истории*, отв. ред. А. Н. Сахаров, Москва 2004, с. 277.

данным, на начало 1950 г. около 62% крестьянских хозяйств значились как перешедшие к коллективной форме ведения хозяйства²¹.

В целом, Е.Ю. Зубкова показала, что согласно официальной справке, в ходе депортаций 1949 г. было выселено: из Литвы – 33 496 человек, из Латвии – 41 445, и Эстонии – 20 660 человек. В результате этих акций повстанческое движение в Прибалтике лишилось своей социальной базы²². В современной отечественной историографии операция «Весна» 1948 г. направленная на выселение народов из Прибалтики получила детальный анализ в публикации Н.Ф. Бугая, который показал, что всего было депортировано из Литовской ССР 49 331 человек, из них направлено: в Красноярский край – 2 374, Иркутскую область – 11 644, Бурят-Монгольскую АССР – 4 014 и т.д.²³.

Кроме того, процесс депортации литовского населения в соответствии с операцией «Весна» стал предметом диссертационного исследования В.Ю. Башкуева²⁴. Историк, выясняя специфику данной карательной акции подчеркнул, что «в отличие от предыдущих крупных депортаций, транспортировка в 1948 г. 4109 спецпоселенцев из Литвы в Бурят-Монгольскую АССР прошла с относительно небольшими людскими потерями. Осуществлявшие спецоперацию сотрудники МВД-МГБ не разделяли выселяемые семьи, как это было при массовом выселении из Прибалтики 14-17 июня 1941 г. Спецпоселенцы ехали целыми хуторами и могли помогать друг другу в дороге. Депортация проходила в теплое время года и поэтому испытать на себе в пути сибирские сорокоградусные морозы спецпоселенцам, к счастью, не довелось. Контроль над процессом транспортировки также осуществлялся достаточно эффективно. Серьезных происшествий на всем протяжении

²¹ Ibidem, с. 281.

²² Е.Ю. Зубкова, «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны, «Отечественная история» 2007, № 3, с. 28.

²³ Н.Ф. Бугай, Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию..., Москва 1995, с. 229.

²⁴ В.Ю. Башкуев, Литовские спецпереселенцы в Бурят-Монголии (1948-1958), Иркутск 2002, с. 11.

пути было немного и, самое главное, при транспортировке такого крупного контингента выселенцев удалось избежать массовых вспышек опасных инфекционных заболеваний»²⁵. Следует сказать, до появления данного исследования, опубликованные ранее работы по большей части рассматривали процесс массового перемещения населения из Литовской ССР в общем, не касаясь специфических аспектов спецпоселения литовцев в регионах бывшего СССР.

Особо следует выделить в постсоветской историографии малоисследованный аспект послевоенных депортаций – особенности принудительных переселений репатриантов в послевоенное время и уголовное их преследование по политическим мотивам. Так, В.И. Бруль отметил, что «(...) в 1945-1946 гг. в Сибирь из Германии доставили большую группу немцев – граждан СССР. Это были репатрианты. Их обещали вернуть на Украину, но на самом деле расселили в Сибири и Казахстане. В Алтайском крае оказался 13 841 репатриант, в Новосибирской области – 13 262, в Омской – 1869, в Томской – 5830, в Кемеровской – 4888, Иркутской – 4361, Тюменской – 1785. Репатрианты были расселены достаточно большими группами в шахтерских городах Кемеровской области, в местах бывших трудовых лагерей, в отдельных городских районах (Западный поселок Барнаула, Кировский район Новосибирска), а также в ряде колхозов и совхозов. В Красноярском крае 4090 репатриантов были размещены в 7 районах и краевом центре. Они использовались на судоремонтном, цементном, гидролизном заводах, на судовой верфи Енисейска и Придвинска, Канском лесозаводе, в леспромпхозе „Краслес“»²⁶.

Другой по значимости депортационной операцией послевоенных властей в СССР стало принудительное переселение части населения с территории Украинской ССР (участники Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии). Так, по данным историка М.В. Коваля

²⁵ Ibidem, с. 15.

²⁶ В.И. Бруль, *Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940-1955 гг.*, [в:] *Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект*, ред. А. Герман, И. Плева, Москва 1998, с. 345.

«в 1944-1950 гг. на территории Украины было завершено 19606 следственных дел и „разрабатывалось” 379 формирований ОУН-УПА. По официальным данным в Сибирь было депортировано свыше 200 тысяч человек (семьи „бандпособников”)²⁷».

В настоящее время наиболее комплексным исследованием, в котором рассматриваются отдельные аспекты послевоенных репрессий на территории Украинской ССР является монография Н.Ф. Бугая, опубликованная в 2006 г.²⁸. Определяя масштабы проведенных депортаций с территории Украины, необходимо опираться на данные Государственного архива Российской Федерации, где в справке «О количестве находящихся на поселении спецпоселенцев „оуновцев», подготовленной в феврале 1950 г. начальником отдела спецпоселений МВД СССР полковником Шияном озвучивалась цифра в 45 256 человек «оуновцев» находившихся к этому моменту на спецпоселении²⁹.

Депортация послевоенного периода с территории Молдавии была затронута в исследовании В. Пасата. Ученый отмечает, что операция «Юг» (выселение с территории Молдавии бывших «помещиков», крупных торговцев, активных пособников немецких оккупантов, лиц, сотрудничавших с немецкими органами полиции, участников профашистских партий и организаций, белогвардейцев, а также семей вышеперечисленных категорий) была проведена 6-7 июля 1949 г. Всего было депортировано 35050 человек³⁰.

В российской исторической науке ряд исследователей, рассматривая особенности проводимых послевоенных депортаций, не мог обойти смежную с депортациями проблему – особенности функционирования системы спецпоселения. Исходя из данных фонда 9479 – Четвертого спецотдела МВД СССР ГАРФ, в справке «О выселенцах подпадающих под действие Указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г.», подготовленной 31 декабря 1948 г. Начальником отдела спецпоселений МВД СССР полковником Шияном отмечалось:

²⁷ М.В. Коваль, *Организация украинских националистов (ОУН): уроки истории*, „Отечественная история” 2003, № 1, с. 70.

²⁸ Н.Ф. Бугай, *Народы Украины в «Особой папке Сталина»*, Москва 2006.

²⁹ *Отчеты отдела спецпоселений. 1946-1952*, ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 28.

³⁰ В. Пасат, *Депортации из Молдавии*, „Свободная мысль” 1993, № 3, с. 58.

«1. Состоит на учете выселенцев 1806947 человек, из них: немцев – 1 012 754; чечено-ингушей – 364 220; карачаевцев – 56 869; балкарцев – 31 648; калмыков – 74 918; крымских татар, крымских болгар, греков и армян – 185 603; из Грузии (курды, турки, хемшилы) – 80 935»³¹.

Что касается категории спецпоселенцев, то по состоянию на 01 января 1949 г. были показаны следующие данные: «Всего расселено – 465 145 человек, в том числе: „оуновцев” – 96 191 человек; „фолькс-дойч” – 3119; немецких пособников – 27 30; ИПХ (сектантов) – 1 129; из Литовской ССР – 46940; „указников” – 21 124; „власовцев” – 135 319; поляков – 28 130; бывших кулаков – 130463. Всего расселено выселенцев и спецпоселенцев 2 300 223 человека»³².

При историографическом анализе послевоенной системы спецпоселения следует обратить внимание на важное уточнение сделанное В.Н. Земсковым, что уже с 1949 г. обозначение «спецпереселенцы» вышло из употребления. Некоторое время лиц, находившихся на спецпоселении, делили на «выселенцев» (выселенные навечно) и «спецпоселенцев» (выселенные на сроки и без указания сроков). Однако вскоре произошла терминологическая унификация – всех стали называть «спецпоселенцами»³³.

Касательно определения числа лиц, находившихся на режиме спецпоселения, то согласно сведениям, которые приводит В.Н. Земсков на 1 января 1953 г., на учете находились 66 420 ссыльнопоселенцев и на учете состояло 2 753 356 спецпоселенцев³⁴. Кроме того, Земсков подчеркнул, что «(..) на рубеже 1952/53 г. спецпоселенческая система достигла апогея в своем развитии. Однако за фасадом этого социально-демографического монстра отчетливо просматривались контуры его исторической бесперспективности. Эта система могла существовать только в условиях достаточно жесткого политического режима, при

³¹ *Отчеты отдела спецпоселений. 1946-1952*, ГАРФ. Ф. 9479. Оп. 1. Д. 436. Л. 8.

³² *Ibidem*, Д. 488. Л. 2.

³³ В.Н. Земсков, *Спецпоселенцы в СССР. 1930-1960*, Москва 2005, с. 161.

³⁴ *Ibidem*, с. 205.

применении к находящимся на спецпоселении людям методов устрашения³⁵.

Анализируя процессы в структуре контингента так называемой «кулацкой ссылки», В.Н. Земсков заметил, что в конце 1940 – начале 1950-х гг. численность спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки» продолжала сокращаться: «На 1 октября 1949 г. на учете состояло 115 112 спецпоселенцев этого контингента, 1 января 1950 г. – 108 386, 1 июля 1950 г. – 66 947, 1 января 1952 г. – 42 166 человек»³⁶.

Одной из ведущих проблем, к которой обращались ученые, стало изучение особенностей применения трудовых ресурсов в рамках системы спецпоселения. К примеру, В.Ю. Башкуев показал особенности расселения и использования трудового потенциала депортированных литовцев в Бурят-Монгольской АССР. Как нам кажется, историк смог аргументировано показать комплекс проблем, сопровождавших трудовое использование литовцев. Кроме того, Башкуев подчеркнул, что «вследствие тяжелых бытовых условий, голода и холода, в первый год спецпоселения количество умерших многократно превысило количество родившихся. Особенно плачевной была ситуация с детской смертностью (...)»³⁷.

Особый интерес представляют выводы В.Ю. Башкуева, с которыми мы безусловно можем согласиться: «В условиях тоталитарной системы режим спецпоселения давал государству огромный источник трудовых ресурсов. Однако, всецело полагаясь на неисчерпаемость и быстрозаменимость людских ресурсов, местное партийно-хозяйственное руководство не прикладывало особых усилий для рационального использования труда спецпоселенцев и не создавало достаточно условий для закрепления спецконтингента в местах обязательного спецпоселения. Труд на лесоповале долгое время оставался малопродуктивным и опасным, а улучшение жилищно-бытовых условий, главным образом, являлось заслугой самих спецпоселенцев. Безразличное отношение администрации

³⁵ Ibidem, с. 225.

³⁶ Ibidem, с. 154.

³⁷ В.Ю. Башкуев, *Литовские спецпереселенцы в Бурят-Монголии (1948-1958)*, Иркутск 2002, с. 15.

к судьбе спецконтингента во многом повлияло на решение большинства спецпоселенцев после своего освобождения вернуться в места постоянного проживания»³⁸.

Новосибирским историком А.А. Шадтом в 2002 г. была опубликована статья, в которой выявлены основные тенденции в развитии послевоенной системы спецпоселения: «Надежды спецпереселенцев на улучшение условий жизни и на снятие политических обвинений после окончания войны не оправдались. Победа в войне привела к возникновению серьезной для органов проблемы – как не допустить возвращения спецпереселенцев на прежние места жительства. Необходимо было предотвратить потери предприятий и регионов, в течение войны использовавших труд спецпереселенцев. Избежать возникновения антисоветских настроений в их среде в связи с отсутствием реабилитации, возможно было только путем ужесточения режима спецпоселения (...) Детальная проработка юридической базы спецпоселений стала возможна в результате усиленной работы органов МВД в 1948 г. Именно 1948 г. стал переломным в отношении к спецпоселенцам и подготовил почву для дальнейшего их закрепления на местах поселений. Закономерной вершиной выработки нормативно-правовой базы спецпоселения стал указ Президиума Верховного Совета СССР «Об уголовной ответственности за побег из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы Советского Союза в период Отечественной войны» от 26 ноября 1948 г., в котором устанавливалось, что переселенцы переселены «навечно, без права возврата их к прежним местам жительства». Причиной данного решения советского руководства послужил тот факт, что «во время их переселения не были определены сроки их высылки. (...) Задача ассимиляции этнических депортантов была решена лишь частично. Тем не менее, необходимость освоения территорий Сибири, экономическое развитие регионов продолжали тяготеть над идеологами национальной политики, что и затормозило процесс отмены режима. И здесь инициаторами отмены режима спецпоселения

³⁸ Ibidem, с. 17.

выступили органы МВД, стремившиеся снять с себя решение экономических и социальных проблем спецпереселенцев, расселенных на обширных пространствах востока и юга СССР и вследствие этого трудно контролируемых»³⁹.

Использование трудовых ресурсов депортированных немцев в Бурятской АССР в послевоенное время получило отражение в диссертации Л.П. Сагановой, отметившей, что с окончанием войны началось закрепление бывших трудармейцев на предприятиях, где они работали в качестве рабочих по вольному найму. Кроме того, Саганова установила, что «(...) на протяжении всего времени пребывания немцев на спецпоселении для них сохранялись ограничения в применении квалифицированной рабочей силы по специальности. (...) Местные власти, будучи заинтересованными в трудоспособной и дешевой рабочей силе, всячески старались закрепить спецпереселенцев в местах расселения. Их труд использовали на самых тяжелых работах в различных отраслях народного хозяйства. Во время войны Джидинский вольфрамомолибденовый комбинат занимал лидирующую позицию среди оборонных предприятий страны. Большую часть его коллектива составляли спецпереселенцы-немцы»⁴⁰.

Использование трудовых ресурсов депортированных в военный и послевоенный период спецпоселенцев в Красноярском крае рассмотрела Е.Л. Зберовская. В частности, исследовательница отметила следующее: «Трудоустройство новых контингентов, как и прежде, соответствовало запросам основных отраслей экономики края – горнодобывающей, лесной, деревообрабатывающей. Вместе с тем труд депортированных стали чаще использовать на крупных промышленных объектах, включая предприятия краевого центра (ДОК, кирпичный и гидролизный заводы). (...) После окончания войны жизнь людей на спецпоселении существенно не улучшилась. Позитивные изменения начались лишь в конце 1940-х гг. и

³⁹ А.А. Шадт, *Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940-1950-е гг.)*, [в:] *Урал и Сибирь в сталинской политике*, отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма, Новосибирск 2002, с. 235.

⁴⁰ Л.П. Саганова, *Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941-1956 гг.)*, Иркутск 2001, с. 16.

протекали медленно. Проблемы дефицита жилья, питания, промтоварного обеспечения, доступности образовательных и медицинских услуг сохраняли свою актуальность»⁴¹.

Анализируя последствия проведенных депортаций и развитие системы спецпоселения, Е.Л. Зберовская на материалах Красноярского края подтвердила выводы ряда исследователей о том, что «принудительное переселение в Сибирь обернулось для многих переселенцев изменением их прежнего социального статуса и переходом в маргинальное состояние. Маргинальность спецпоселенцев проявилась в утрате ими прежних профессий, привычной социокультурной среды, в разрыве семейных связей. Провозглашая социальное равенство, советское государство в действительности проводило дифференцированную политику в отношении социальных групп, что подтверждала и система спецпоселений. Основанием для дифференциации, на наш взгляд, служили возраст переселенцев, их политическая благонадежность и лояльность власти»⁴².

В современной российской историографии проблема так называемого «второго раскулачивания» была проанализирована в публикации В.Ф. Зимы. По мнению автора, в основных чертах «второе раскулачивание» конца 1940-х – начала 1950-х гг. повторило „раскулачивание” 1930-х гг.: насильственное изъятие зерна, усмирение голодом, наращивание госзапасов и экспорта хлеба, высылка непокорных в отдаленные края. Преемственность замыкалась тем, что раскулачивание в 1948 г. по срокам совпадало со снятием с учета спецпоселений и „освобождением” бывших кулаков»⁴³. Кроме того, В.Ф. Зима отметил, что «целью репрессий в деревне было запугать народ, сломить нараставшее антиколхозное движение, заставить работать бесплатно голодных, оборванных людей

⁴¹ Е.Л. Зберовская, *Спецпоселенцы в Красноярском крае*, Красноярск 2006, с. 18.

⁴² Ibidem, с. 20.

⁴³ В.Ф. Зима, *Второе «раскулачивание» (аграрная политика конца 1940-х – начала 1950-х годов)*, „Отечественная история” 1994, № 3, с. 123.

и одновременно загнать в колхозы и совхозы как можно больше жителей села из так называемого околоколхозного населения»⁴⁴.

Обращаясь к теме послевоенных политических репрессий в СССР, часть историков попыталась рассмотреть развитие пенитенциарной системы. Если обратиться к статистике, то А.Б. Суслов привел данные со ссылкой на данные Государственного архива Российской Федерации, согласно которым на 1 января 1953 г. в лагерях и колониях ГУЛАГ-а содержалось 2468524 заключенных⁴⁵.

Особый интерес для современной исторической науки представляют выводы, сделанные в статье А.С. Смыкалина, который проанализировал деятельность «особых лагерей» и «особых тюрем» в послевоенное время. В частности, исследователь на основе широкой источниковой базы подтвердил предположение о том, что с конца 1940-х гг. И.В. Сталин готовил серию репрессивных акций, и соответственно к этим акциям должна была быть готова советская пенитенциарная система: «Новая волна репрессий, готовившаяся по личному указанию И.В. Сталина в конце 40 – начале 50-х годов, предполагала значительное увеличение этих учреждений. (...) И только смерть „вождя народов” притормозила ход репрессивной машины»⁴⁶.

Часть выводов, сделанных А.С. Смыкалиным нашло подтверждение в монографии Г.М. Ивановой. Обосновывая явное ужесточение карательной политики в первые послевоенные годы, исследовательница подчеркнула, что «острие репрессивные органы направляли в первую очередь против тех, кто по разным причинам общался или сотрудничал с неприятелем»⁴⁷.

Выявляя общие закономерности послевоенного развития ГУЛАГ-а в СССР, Г.М. Иванова отметила: «Реорганизация

⁴⁴ Ibidem, с. 109.

⁴⁵ А.Б. Суслов, *Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х годов: спецконтингент*, „Вопросы истории” 2004, № 3, с. 125.

⁴⁶ А.С. Смыкалин, «Особые лагеря» и «особые тюрьмы» в системе исправительно-трудовых учреждений советского государства в 40-50-е годы, „Государство и право” 1997, № 5, с. 91.

⁴⁷ Г.М. Иванова, *ГУЛАГ в системе тоталитарного государства*, Москва 1997, с. 56.

лагерной системы походила под давлением двух обстоятельств. С одной стороны, многочисленные массовые протесты заключенных, и, прежде всего в особых лагерях, заставляли руководство ГУЛАГ-а идти на смягчение режима, убирать из состава лагерной администрации наиболее жестоких, одиозных работников, с другой стороны, очевидная неэффективность принудительного труда, резкое ухудшение экономических показателей ГУЛАГ-а вынуждали начальство принимать меры по улучшению труда и содержания заключенных»⁴⁸.

Анализируя деятельность «лагерной юстиции», Г.М. Иванова обратила внимание на ряд моментов: «Процесс организации и реорганизации лагерных судов шел непрерывно и зависел от изменения дислокации лагерей, от количества поступавших уголовных дел, от специфики того или иного лагерно-производственного комплекса. К осени 1948 г. было образовано 78 лагерных судов, из них 40 при крупнейших лагерях центрального подчинения, 28 при лагерях и колониях территориального подчинения, 4 при отделах исправительно-трудовых колоний Управлений МВД и 6 при спецстроительствах (причем два из них находились на территории Монголии). (...) Карательная практика специальных лагерных судов основывалась, преимущественно, не на статьях Уголовного кодекса, а на всевозможных указах, директивах, инструкциях и была, по общему правилу, более суровой, чем практика обычных судов. До отмены смертной казни в мае 1947 г. лагерные суды активно применяли расстрел, в среднем в год к высшей мере наказания приговаривалось 300-400 человек. Обращают на себя внимание также многочисленные случаи вынесения приговоров, явно не соответствующих степени тяжести содеянного. (...) Одной из главных причин низкого качества судебной работы лагерных судов было то, что большинство судебных кадров имели крайне низкий уровень не только профессиональной, но и общей подготовки»⁴⁹.

⁴⁸ Ibidem, с. 78.

⁴⁹ Г.М. Иванова, *Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954*, [в:] *Труды Института российской истории*, отв. ред. А.Н. Сахаров, Москва 2004, с. 290.

В целом, мы разделяем точку зрения Г.М. Ивановой, суть которой заключается в том, что «лагерные суды не были органами правосудия в прямом смысле, поскольку служили не столько интересам правосудия, сколько советской репрессивной системе в целом. Их деятельность была направлена на сохранение в тайне всех тех беззаконий и несправедливостей, которые творились за колючей проволокой. Они драконовскими мерами помогали лагерному начальству поддерживать рабское повиновение в среде заключенных, помогали держать в страхе и покорности большие массы людей, скрывали преступное, безответственное поведение лагерных руководителей, в результате которого люди оказывались на грани жизни и смерти. Лагерные суды были чрезвычайно удобным инструментом поддержания внутрилагерного режима и в конечном итоге служили одной из опор тоталитарного режима»⁵⁰.

В постсоветской российской историографии при анализе особенностей функционирования послевоенного ГУЛАГ-а В.В. Кожинным был высказан ряд критических замечаний в отношении публикаций известного специалиста в области советской пенитенциарной системы Г.М. Ивановой. Суть их сводится к следующему: «Г.М. Иванова ссылается как на якобы достоверный „источник“ на очень популярные лет десять назад сочинения Антона Антонова-Овсеенко. Итак, если верить Ивановой, в послевоенном ГУЛАГ-е погибал примерно миллион заключенных за год. (...) Вопиющая абсурдность сей „картины“ неопровержимо обнаруживается в том, что, согласно всецело достоверным подсчетам, к 1948 г. в СССР имелось 121 млн 141 тыс. людей старше 14 лет, а через пять лет, к началу 1953-го, их осталось 115 млн 33 тысячи, т.е. за эти пять лет в стране умерли 6 млн 108 тысяч человек (не считая детских смертей), но, если верить Ивановой, примерно 5 млн из них умерли не „своей“ смертью, а были фактически убиты в местах заключения (...).

1) Сообщая, что в 1947 г. были осуждены 1 490 959 человек, Г.М. Иванова явно стремится внушить, что речь идет о политических обвиняемых (например, по ее словам, об „инакомыслящих и вольнодумцах“). На самом деле, как

⁵⁰ Ibidem, с. 305.

очевидно, из уже пять лет назад рассекреченных документов МГБ (а в этом ведомстве велся строжайший учет), по политическим обвинениям в 1947 г. было осуждено 78 тыс. 810 человек – т.е. всего лишь 5,2 процента от общего количества осужденных в этом году.

2) Самое нелепое и, надо прямо сказать, постыдное в статье Ивановой – попытка внушить читателям, что в 1947-м и последующих годах в ГУЛАГе-де умирало по миллиону человек. Ибо известны точные сведения: в 1947-м умерли 35 668 лагерных заключенных, т.е. 2,3 процента от тех 1 490 599 людей, которые были отправлены в 1947 году в ГУЛАГ. Напомню, что именно в том году страна пережила наиболее тяжкий голод, который, вполне понятно, не мог не повлиять и на судьбу заключенных; так, в течение 1946 г. (голод в стране достиг высшей точки только в его конце) в ГУЛАГ-е умерло почти в два раза меньше людей, чем в 1947-м, – 18 154 заключенных.

3) Г.М. Иванова определяет послевоенный ГУЛАГ как „символ массового беззакония”, „преступного нарушения прав человека”, „чудовищную по своей жестокости и масштабам политику” и т. п. Нет сомнения, что эти определения уместны по отношению к тем или иным конкретным фактам из „практики” МГБ и МВД 1946-1953 гг. Но объективное изучение реального положения дел показывает, что по сравнению с непосредственным временем революции и гражданской войны, коллективизацией и тем, что называют обычно „тридцать седьмым”, в послевоенные годы уже совершенно иная ситуация.

4) Но обратимся к политическим заключенным. Всего за семь лет (1946-1952) по политическим обвинениям было осуждено 490 714 человек, из которых 7 697 (1,5 процента) получили (в 1946-м – начале 1947-го и в 1950-1952-м) смертные приговоры, 461 017 человек отправлены в заключение, остальные – в ссылку»⁵¹.

Однако не со всеми критическими замечаниями В.В. Кожинова в отношении исследования Г.М. Ивановой можно согласиться. Так, характеристика довоенного, военного

⁵¹ В.В. Кожин, *Россия. Век XX-й (1939-1964). (Опыт беспристрастного исследования)*, Москва 1999, с. 216.

и послевоенного ГУЛАГ-а как «символа массового беззакония», «преступного нарушения прав человека», «чудовищной по своей жестокости и масштабам политики» со стороны Г.М. Ивановой вполне уместна. Об этом особенно четко свидетельствуют источники личного происхождения как так называемых «бытовиков-уголовников», так и «контрреволюционеров». Действительно о трансформации, причем очень осторожной, а не форсированной системы ГУЛАГ-а СССР мы можем говорить только после смерти И.В. Сталина, но никак не раньше.

Исследование закономерностей внутрилагерной жизни в 1946-1953 гг. было проведено в статье В.А. Козлова. В частности, автор отметил, что «(...) постоянное втягивание, часто под угрозой смерти, в „разборки” криминальных авторитетов поставили политических заключенных, особенно их новые пополнения, перед критическим выбором. Для них консолидация и сплочение в борьбе за скудные жизненные ресурсы и власть над зоной стали единственно возможным выходом из ситуации. Политические начинали эту борьбу из заведомо невыгодной позиции, ибо не имели того легального статуса, которым гугаговская практика наделила верхушку воровского мира. Зато они могли использовать привычные формы подполья и повстанческой самоорганизации, опереться на враждебные советскому режиму идеологические ценности как на инструмент групповой мобилизации. Особую активность демонстрировали украинские и прибалтийские националисты, прибывшие в ГУЛАГ сплоченными и компактными группами, преисполненные боевого духа, объединенные простой, порой вульгарной и примитивной, но сильной и жизнеспособной национальной идеей»⁵².

В контексте анализа истории пенитенциарной системы в СССР в послевоенное время необходимо обратиться и к региональным исследованиям. Первым обобщающим исследованием по истории Озерлага, в котором на основе привлечения широкого круга неизвестных и ранее засекреченных

⁵² В.А. Козлов, *Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.)*, „Общественные науки и современность” 2004, № 6, с. 123.

документов рассматриваются основные аспекты деятельности Озерного лагеря в Иркутской области стала работа О.В. Афанасова⁵³.

Рассматривая условия появления особых лагерей в Советском Союзе Афанасов отметил, что «(...) один из способов разрешения возникших в стране послевоенных трудностей появилась идея разделения невольников ГУЛАГ-а: отделение уголовников и „бытовиков” от узников, осужденных по 58-ой политической статье. С 1948 г. в СССР была развернута сеть особых лагерей для „особо опасных государственных преступников”: Горлаг, Камышлаг, Речлаг, Степлаг и другие. Режим в особлагах был гораздо суровее, чем в обычных исправительно-трудовых лагерях. В соответствии с приказом МВД СССР № 001443 от 7 декабря 1948 г. в течение следующего 1949 г. в районе трассы Тайшет-Братск был сформирован особый лагерь № 7 МВД СССР „Озёрный” на месте бывшего Тайшетлага»⁵⁴.

Кроме того, О.В. Афанасову удалось показать, что состав заключенных лагеря менялся в зависимости от политической ситуации в стране: «В годы сталинского режима в особом лагере Озерный содержались советские военнопленные, побывавшие в плену; представители первой волны русской эмиграции; лица, обвиненные в сотрудничестве с фашистами в годы войны; участники националистических организаций Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии и те, кто сотрудничал с ними или сочувствовал им; деятели оппозиции прежних лет; члены партии, ставшие жертвами террора 1930-х гг.; инакомыслящая молодежь и др. Кроме репрессированных соотечественников в послевоенный период в лагере содержались немцы, поляки, венгры, французы, японцы, корейцы и представители других национальностей»⁵⁵.

Также следует отметить публикации С.Д. Дильманова, в которых рассмотрены вопросы функционирования Степного

⁵³ О.В. Афанасов, *История Озерного лагеря в Иркутской области (1948-1963 гг.)*, Иркутск 2001, с. 11.

⁵⁴ Ibidem, с. 19.

⁵⁵ Ibidem, с. 20.

или Особого лагеря МВД СССР № 00219 учрежденного в 1948 г. и Песчаного лагеря, учрежденного в 1949 г.⁵⁶. Далее необходимо обратить внимание на то, что в отечественной историографии были высказаны фундаментальные оценки, подкрепленные широким фактическим материалом по проблеме реализации советской репрессивной политики послевоенного времени.

Так, исходя из тоталитарной парадигмы, А.В. Бакунин констатирует следующее: «В послевоенные годы разворачивается четвертый период массовых политических репрессий народа господствующим политическим режимом. После победы в Великой Отечественной войне, в которой советские люди и вооруженные силы сыграли решающую роль, Сталин почувствовал, что победивший народ потерял страх перед деспотическим режимом. Диктатор стал более капризным, раздражительным, грубым, особенно развилась его подозрительность. До невероятных размеров возросла мания преследования, многие работники становились в его глазах врагами. Сталин пытается добиться беспрекословного повиновения и единства народа с господствующей партийно-советской номенклатурой, он продолжает преступную политику выявления „врагов народа“, расправляясь со всеми, кто высказывает критические замечания в его адрес, проявляет инакомыслие в отношении существующей социально-политической системы или плохо служит тоталитарному режиму»⁵⁷.

М.Г. Степанов исследуя процесс репрессивной политики в Хакасской автономной области в послевоенный период (1946-1953 гг.) отметил, что окончание Великой Отечественной войны отчасти видоизменило практику реализации репрессивной политики в регионе. Объектом политических репрессий после войны стали гражданские и военные лица, побывавшие в плену

⁵⁶ С.Д. Дильманов, *Степной лагерь (особый лагерь № 4) МВД СССР*, [в:] *Гуманитарный ежегодник*, отв. ред. С.А. Красильников, Новосибирск 2001, с. 58-69; Idem, *Песчаный лагерь МВД СССР*, [в:] *Гуманитарный ежегодник*, отв. ред. С.А. Красильников, Новосибирск 2001, с. 70-79.

⁵⁷ А.В. Бакунин, *Основные этапы политических репрессий в СССР*, [в:] *История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е годы)*, отв. ред. В.М. Кириллов, Нижний Тагил 1997, с. 14.

или на оккупированной территории вражескими войсками. К антисоветским элементам властью также были отнесены так называемые «националисты», «шпионы», «космополиты», «церковники». Формирование собирательного образа «врага советского государства» исходило от центральной власти, местным же карательным органам приходилось только выявлять лиц, подходивших по их мнению под описание внутреннего «врага». Как и в военное время, карательные акции носили четко адресный характер. Это связано с тем, что на территории области на спецпоселении находились депортированные еще во время войны народы – немцы, калмыки, сосланные на спецпоселение уже в послевоенное время представители прибалтийских народов (эстонцы, литовцы) и западные украинцы. Борьба с «контрреволюционной» преступностью из числа спецпереселенцев продолжалась вплоть до смерти И.В. Сталина в 1953 г. Особенностью репрессивной политики в послевоенное время, после издания секретной директивы МГБ СССР и Генерального прокурора СССР, было привлечение с осени 1948 г. к уголовной ответственности, тех граждан, которые уже отбыли наказание за «контрреволюционное преступление». Аресты так называемых «повторников» начались в Хакасии с 1949 г., а не в 1948 г. как это было по всей стране. Решение о мере наказания в отношении данной категории репрессированных граждан выносила внесудебная репрессивная инстанция Особое совещание при МГБ СССР. Наказание для всех арестованных в Хакасии граждан было одним и тем же – ссылка на бессрочное поселение в Красноярский край⁵⁸.

Таким образом, подводя итоги проведенного историографического обзора послевоенных репрессий в СССР мы можем констатировать, что с начала 1990-х гг. наметился как концептуальный, так и фактологический прорыв в исследовании проблемы. Исходя из анализа опубликованной литературы, нами были выделены круг дискуссионных проблем: уголовное преследование советских граждан, обвиненных в совершении «контрреволюционных преступлений»; формирование в рамках

⁵⁸ М.Г. Степанов, *Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг.*, Абакан 2006, с. 122.

советской политики борьбы с проявлениями космополитизма нового направления – так называемых «квазирепрессий»; особенности реализации послевоенных этнических депортаций; развитие системы ГУЛАГ-а в годы позднего сталинизма. Несмотря на определенную молодость историографической проблемы, мы вместе с тем можем говорить об активном дискурсе обсуждаемых вопросов. Вместе с тем говорить о глубокой изученности вышеотмеченных проблем в современной российской исторической науке пока мы не можем, т.к. на региональном уровне послевоенная репрессивная политика проанализирована лишь фрагментарно, а без результатов региональных исследований мы не можем на данный момент говорить о формировании комплексной исторической картины послевоенных репрессий в СССР.

Библиография / References

Arhivnye materialy [Архивные материалы]

Otčety otdela spreposelenij. 1946-1952, Gosudarstvennyj arhiv Rossijskoj Federacii (GARF), [*Отчеты отдела спецпоселений. 1946-1952*, Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)].

Literatura [Литература]

Afanasov O.V., *Istoriâ Ozernogo lagerâ v Irkutskoj oblasti (1948-1963 gg.)*, Irkutsk 2001, [Афанасов О.В., *История Озерного лагеря в Иркутской области (1948-1963 гг.)*, Иркутск 2001].

Avtorhanov A.G., *Tehnologiâ vlasti*, Moskva 1991, [Авторханов А.Г., *Технология власти*, Москва 1991].

Bakunin A.V., *Osnovnye ètapy političeskijh repressij v SSSR*, [v:] *Istoriâ repressij na Urale: ideologiâ, politika, praktika (1917-1980-e gody)*, otv. red. V.M. Kirillov, Nižnij Tagil 1997, [Бакунин А.В., *Основные этапы политических репрессий в СССР*, [в:] *История репрессий на Урале: идеология, политика, практика (1917-1980-е годы)*, отв. ред. В.М. Кириллов, Нижний Тагил 1997].

Baškuev V.YU., *Litovskie spetspereselenicy v Burât-Mongolii (1948-1958)*, Irkutsk 2002, [Башкуев В.Ю., *Литовские спецпереселенцы в Бурят-Монголии (1948-1958)*, Иркутск 2002].

Bazarov B.V., *Ždanovskij diskurs vnacional'nyh regionah Rossii poslevoennyh let*, Ulan-Udè 2006, [Базаров Б.В., *Ждановский*

- дискурс в национальных регионах России послевоенных лет, Улан-Удэ 2006].
- Bruľ V., *Deportirovannnye narody v Sibiri (1935-1965 gg.). Sravnitel'nyj analiz*, [v:] *Nakazannyj narod*, pod red. A.B. Roginskogo, Moskva 1999, [Бруль В., *Депортированные народы в Сибири (1935-1965 гг.). Сравнительный анализ*, [в:] *Наказанный народ*, под ред. А.Б. Рогинского, Москва 1999].
- Bruľ V.I., *Migracionnyye processy sredi nemcev Sibiri v 1940-1955 gg.*, [v:] *Migracionnyye processy sredi rossijskih nemcev: istoričeskij aspekt*, red. L. German, I. Pleve, Moskva 1998, [Бруль В.И., *Миграционные процессы среди немцев Сибири в 1940-1955 гг.* [в:] *Миграционные процессы среди российских немцев: исторический аспект*, ред. Л. Герман, И. Плева, Москва 1998].
- Bugaĵ N.F., *Deportaciâ narodov (konec 30-h – načalo 40-h godov)*, [v:] *Rossia v XX veke: Istoriki mira sporât*, otv. red. I.D. Koval'čenko, Moskva 1994, [Бугай Н.Ф., *Депортация народов (конец 30-х – начало 40-х годов)*, [в:] *Россия в XX веке: Историки мира спорят*, отв. ред. И.Д. Ковальченко, Москва 1994].
- Bugaĵ N.F., *L. Beriâ – I. Stalīnu: Soglasno Vašemu ukazaniū...*, Moskva 1995, [Бугай Н.Ф., *Л. Берия – И. Сталину: Согласно Вашему указанию...*, Москва 1995].
- Bugaĵ N.F., *Narody Ukrainy v «Osoboj papke Stalina»*, Moskva 2006. [Бугай Н.Ф., *Народы Украины в «Особой папке Сталина»*, Москва 2006].
- Dil'manov S.D., *Pesčanyj lager' MVD SSSR*, [v:] *Gumanitarnyj ežegodnik*, otv. red. S.A. Krasil'nikov, Novosibirsk 2001, [Дильманов С.Д., *Песчаный лагерь МВД СССР*, [в:] *Гуманитарный ежегодник*, отв. ред. С.А. Красильников, Новосибирск 2001].
- Dil'manov S.D., *Stepnoj lager' (osobyj lager' № 4) MVD SSSR*, [v:] *Gumanitarnyj ežegodnik*, otv. red. S.A. Krasil'nikov, Novosibirsk 2001, [Дильманов С.Д., *Степной лагерь (особый лагерь №4) МВД СССР*, [в:] *Гуманитарный ежегодник*, отв. ред. С.А. Красильников, Новосибирск 2001].
- Esakov V.D., Levina E.S., *Stalinskie «sud'i čestiv»: «Delo «KR»*, Moskva 2005, [Есаков В.Д., Левина Е.С., *Сталинские «судьи чести»: «Дело «КР»*, Москва 2005].
- Ivanova G.M., *GULAG v sisteme totalitarnogo gosudarstva*, Moskva 1997, [Иванова Г.М., *ГУЛАГ в системе тоталитарного государства*, Москва 1997].
- Ivanova G.M., *Lagemaâ ūsticiâ VSSSR. 1944-1954*, [v:] *Trudy Instituta rossijskoj istorii*, otv. red. A.N. Saharov, Moskva 2004, [Иванова Г.М.,

- Лагерная юстиция в СССР. 1944-1954* [в:] *Труды Института российской истории*, отв. ред. А.Н. Сахаров, Москва 2004].
- Kostyrčenko G.V., «*Delo vračeј*», „Rodina” 1994, № 7, [Костырченко Г.В., «*Дело врачей*», „Родина” 1994, № 7].
- Kostyrčenko G.V., *Tajnaā politika Stalina: vlast' i antisemitizm*, Moskva 2001, [Костырченко Г.В., *Тайная политика Сталина: власть и антисемитизм*, Москва 2001].
- Koval' M.V., *Organizaciā ukrainских nacionalistov (OUN): uroki istorii*, „Otečestvennaā istoriā” 2003, № 1, [Коваль М.В., *Организация украинских националистов (ОУН): уроки истории*, „Отечественная история” 2003, № 1].
- Koževnikov M.V., *Istoriā sovetskogo suda 1917-1956*, Moskva 1957, [Кожевников М.В., *История советского суда 1917-1956*, Москва 1957].
- Kožinov V.V., *Rossia. Vek XX-j (1939-1964). (Opyt bespristrastnogo issledovaniā)*, Moskva 1999, [Кожин В.В., *Россия. Век XX-й (1939-1964). (Опыт беспристрастного исследования)*, Москва 1999].
- Kozlov V.A., *Socium v nevole: konfliktnaā samoorganizaciā lagernogo soobšestva i krizis upravlēniā GULAGOM (konec 1920-h – načalo 1950-h gg.)*, „Obščestvennye nauki i sovremennost'” 2004, № 6, [Козлов В.А., *Социум в неволе: конфликтная самоорганизация лагерного сообщества и кризис управления ГУЛАГом (конец 1920-х – начало 1950-х гг.)*, „Общественные науки и современность” 2004, № 6].
- Minaev V., *Tajnoe orižie obrečennyh: O podryvnoj deātelnosti imperialističeskih razvedok protiv lagerā demokratii i socializma*, Moskva 1952, [Минаев В., *Тайное оружие обреченных: О подрывной деятельности империалистических разведок против лагеря демократии и социализма*, Москва 1952].
- Muromceva L.P., *Prigovoren k rasstreliu po «Leningradskomu delu»*, [v:] *Totalitarizm v Rossii SSSR, 1917-1991 gg.: opoziciā i repressii*, отв. ред. Л.А. Обухов, Перм' 1998, [Муромцева Л.П., *Приговорен к расстрелу по «Ленинградскому делу»*, [в:] *Тоталитаризм в России СССР, 1917-1991 гг.: оппозиция и репрессии*, отв. ред. Л.А. Обухов, Пермь 1998].
- Pasat V., *Deportacii iz Moldavii*, „Svobodnaā mysl'” 1993, № 3, [Пасат В., *Депортации из Молдавии*, „Свободная мысль” 1993, №3].
- Platonov O.A., *Tajnaā Istoriā Rossii. XX vek. Ėpoha Stalina*, Moskva 1997, [Платонов О.А., *Тайная история России. XX век. Эпоха Сталина*, Москва 1997].
- Sadovskij S.O., *Deātelnost' territorial'nyh upravlēnij MGB SSSR v usloviāh obščestvenno-političeskoj žizni v 1945-1953 gg.*

- (*po materialam Kostromskoj i Âroslavskoj oblasti*), Kostroma 2004, [Садовский С.О., *Деятельность территориальных управлений МГБ СССР в условиях общественно-политической жизни в 1945-1953 гг. (по материалам Костромской и Ярославской областей)*, Кострома 2004].
- Šadt A.A., *Ètničeskaâ ssylka v Sibiri kak instrumentsovetskoj nacional'noj politiki (1940-1950-e gg.)*, [v:] *Ural i Sibir v stalinskoj politike*, otv. red. S. Papkov, K. Tëraâma, Novosibirsk 2002, [Шадт А.А., *Этническая ссылка в Сибири как инструмент советской национальной политики (1940-1950-е гг.)*, [в:] *Урал и Сибирь в сталинской политике*, отв. ред. С. Папков, К. Тэраяма, Новосибирск 2002].
- Saganova L.P., *Specpereselency-nemcy v Burâtii (1941-1956 gg.)*, Irkutsk 2001, [Саганова Л.П., *Спецпереселенцы-немцы в Бурятии (1941-1956 гг.)*, Иркутск 2001].
- Smykalin A.S., «Osobyje lagerâ» i «osobyje tûr'my» v sisteme ispravitel'no-trudovyh učreždenij sovetskogo gosudarstva v 40-50-e gody, „Gosudarstvo i pravo” 1997, № 5, [Смыкалин А.С., «Особые лагеря» и «особые тюрьмы» в системе исправительно-трудовых учреждений советского государства в 40-50-е годы, „Государство и право” 1997, № 5].
- Stepanov M.G., *Stalinskie repressii v Hakasii v konce 1930-h – načale 1950-h gg.*, Abakan 2006, [Степанов М.Г., *Сталинские репрессии в Хакасии в конце 1930-х – начале 1950-х гг.*, Abakan 2006].
- Suslov A.B., *Sistemnyj èlement sovetskogo obšestva konca 20-h – načala 50-h godov: speckontingent*, „Voprosy istorii” 2004, № 3, [Суслов А.Б., *Системный элемент советского общества конца 20-х – начала 50-х годов: спецконтингент*, „Вопросы истории” 2004, № 3].
- Zberovskaâ E.L., *Specposelency v Krasnoârskom krae*, Krasnoârsk 2006, [Зберовская Е.Л., *Спецпоселенцы в Красноярском крае*, Красноярск 2006].
- Zemskov V.N., *Specposelency v SSSR, 1930-1960*, Moskva 2005, [Земсков В.Н., *Спецпоселенцы в СССР, 1930-1960*, Москва 2005].
- Zima V.F., *Vtoroe «raskulačivanie» (agrarnaâ politika konca 1940-h – načala 1950-h godov)*, „Otečestvennaâ istoriâ” 1994, № 3, [Зима В.Ф., *Второе «раскулачивание» (аграрная политика конца 1940-х – начала 1950-х годов)*, „Отечественная история” 1994, № 3].
- Zubkova E.Û., «Lesnye brat'â» v Pribaltike: vojna poslevojnju, „Otečestvennaâ istoriâ” 2007, № 3, [Зубкова Е.Ю., «Лесные братья» в Прибалтике: война послевоенно, „Отечественная история” 2007, № 3, [Зубкова Е.Ю., «Лесные

братья» в Прибалтике: война после войны, „Отечественная история” 2007, № 3].

Zubkova E.Ü., *Moskva i Baltiâ: mehanizmy Sovetizacii Latvii, Litvy i Èstonii v 1944-1953 godah*, [v:] *Trudy Instituta rossijskoj istorii*, otv.red. A.N. Saharov, Moskva 2004. [Зубкова Е.Ю., *Москва и Балтия: механизмы советизации Латвии, Литвы и Эстонии в 1944-1953 годах* [в:] *Труды Института российской истории*, отв. ред. А.Н. Сахаров, Москва 2004].

